



1661

*Александр Жуков*

# Завещанный SACRED CITY Город

*Раиса Аюбаева*

*Алматы  
2009*

©2009. Раиса Лобацкая - стихи.

©2009. Александр Князев - фотографии,  
дизайн, верстка.



|                              |                |
|------------------------------|----------------|
| <i>Вступление.....</i>       | <i>стр.6</i>   |
| <i>Обитель.....</i>          | <i>стр.12</i>  |
| <i>Колыбель.....</i>         | <i>стр.32</i>  |
| <i>Цветение.....</i>         | <i>стр.50</i>  |
| <i>Утраченное.....</i>       | <i>стр.70</i>  |
| <i>Неопалимый город.....</i> | <i>стр.86</i>  |
| <i>Музыка окон.....</i>      | <i>стр.108</i> |
| <i>Молитва.....</i>          | <i>стр.128</i> |
| <i>Заключение.....</i>       | <i>стр.142</i> |



*Опадают прошлого страницы,  
смятые листы календаря.  
Старый город, давний призрак, снится,  
проступая из небытия.*

*Млествует торжественно печален  
деревянный город. Вышел срок.  
Неприступный, стиснутый плечами  
новостроек, горд и одинок.*

*Неприютен в бледности морозной,  
припорошен снегом в скатах крыши.  
Был то бесшабашным, то серьезным.  
«Был» прошепчешь, «нет» — не прокричишь.*

*Дай проститься, надышаться вволю,  
наглядеться в сказочный узор,  
разделить твою земную долю,  
отпуская в неземной простор.*

*Я кручинюсь, деревянный город, —  
каблучки по мостовой стучат. . .  
Для меня ты вечно свеж и молод,  
как когда-то триста лет назад.*



Родиться в Иркутске мне не случилось... Нянчил меня деревенский дом.

И, оказавшись однажды в Иркутске, я узнал этот город родным.

Город в тополях, дворах, оградах, деревянных домах с резными окнами, бесконечно цветущий и озабоченный собственной мудростью стал для меня родным домом, под сводами которого я однажды вцепился в фотокамеру, что должна была эту вековую мудрость прочитать, – так и не расставшись с этим родством уже сорок лет... И теперь уже надолго...

А вековая мудрость города открылась-прочиталась. Фотография не помешала, скорее – наоборот!

Живой Человек живет в родстве живому Городу ( живому своим обитаемым пространством, живому своим теплом и участием, живому улыбкой своих окон, живому приветливостью своих обывателей и неустройством окраин, живому в трескучий мороз или тоскливую непогоду...), и это повод разглядеть Феномен Рождения Иркутска. Он очевиден!

1661. 16–61!

6 В этой магической зеркальности цифр легко прочитать гармонию даты рождения, как композицию судьбы, что сложилась из симметрии окон, линии набережной Ангары, планировочного совершенства центра города, гармонии его двубережности, неприхотливого согласия деревянных и каменных построек, морозного цветения и летнего белоцветия, тихой осенней прозрачности и разбитых весной дорог...

В этой симметрии цифр – равновесие судьбы, что испытывалась каждым столетием жестоко и почти необратимо. И это равновесие правит нашими жизнями.

Выгорев почти дотла в 1879 году, город восстал, как Феникс, и за недолгие лета отстроился краше прежнего.

Переименованный в своих улицах большевистскими псевдонимами, город удержал первоначальные имена в своей памяти: Большая, Ланинская, Пестеревская, Тихвинская... А псевдонимы изведут себя сами.

А как корежили город и рушили его храмы теперь бы не вспоминать вовсе, – вернулись храмы в сияющей красе, но тревожат память призраком Кафедрального Собора, раскрошенного для отмостки центральной площади.

Но «время воззовет ушедшее!», а храм погранный не есть потерянный.

И если не хочется что-либо вспоминать, так это неумную тщету окол властных архитекторов «украсить» город. Их потуги сметались насмешками горожан, а потом и бульдозерами, вестниками судьбы, которую не объедешь. «Дом на ногах» – кому не смешно? Тогда полюбуйтесь на помпезного монстра в колоннаде, увешанной водосточными трубами, – гостиница «Европа»!

Сегодня в неспешную уверенность провинциального российского захолустья, веками сторонящегося роскошества столиц, ворвались ветры перемен с культом стеклянного гламура, разнузданной рекламы и выжженных деревянных кварталов. Явился в мой город прораб с калькулятором, что умеет считать стоимость земли без вековой красоты, в эту землю вросшей... Трижды перепродав просчитанное, он построит еще один торговый центр, ибо умеет только строить и торговать, торговать и строить... Попад в порочный круг коммерции, город поспешно и неминуемо превращается в колониальный рынок, – пройдите по главной улице: сплошная и непрерывная «Фортуна» с вкраплениями министерств и департаментов.

Вспомним, что два века будучи городом купеческим, Иркутск был исполнен достоинства и вкуса, архитектурного разнообразия и порядка – пассаж Второва был приметен только на торговой улице Пестеревской, а на площадях и проспектах оставалось место храмам, музеям, театрам и учебным заведениям. Так живая история нам внушает несуетно, что жить посреди рынка смешно, поскольку невозможно, а перенасыщение торговлей – свойство полураспада общества и разрушения жизненной среды, что без рукотворной красоты и осмысленной работы жизнь превращается в карнавал честолюбий.

Потому стоит, очень стоит ожидать суровых ангарских ветров вместе с неумолимым Дворником Судьбы 16-61, а они вовремя облакают мой город чистотой и бережливостью.

Равновесная гармония рождения, хочу надеяться, еще хранит Иркутск, передаваясь из поколения в поколение, как главное наследство. Как завет ныне живущим.

Уверовав в это, мы дали имя нашей книге. Мы попробовали рассказать о многом фотографиями и стихами, что легко нашли друг друга. Система духовного родства в завещанном городе вполне объясняется привычным восклицанием « как тесен мир ! ». А он не настолько тесен, насколько обжит духовно. Дружеские круги в нем пересекаются, а родственные души неминуемо встречаются.

Здесь любой творческий поступок встраивается в цепь себе подобных, обращая частный опыт в факт культуры, которая только и может жить в пространстве завещанного родства. Дух дома не только хранит и оберегает стены, но и правит судьбами живущих.

Так дом, так город становится Обителю.

А для родившихся в нем – Колыбелью. Сама собой она не раскачается, - ее ласковая амплитуда длиною в целую жизнь сохранит нетронутыми уголки души, где записаны скрип деревянных половиц, морозные кружева окон, блаженная пыль чердака, шаткая лестница на крышу и неостывшая к утру печь. Дух дома, вселившийся в наше детство, названный нынче «архетипом», поведет нас по родному городу, где и его детство откроется... Окажется, что наш предок-иркутянин не выбирал где ему жить, - разумеется, только в деревянном доме, что был продолжением природы, уложенной в идеальный сруб, где жизнь дерева и людской быт оказывались наравне и питали друг друга. Деревянные дома и вековые тополя на наших улицах живут, обнявшись в вековом родстве.

8

А каменные постройки были назначены для многоликого обитания в конторах, школах, больницах, храмах и музеях... Продолжая традиции деревянной архитектуры, они унаследовали ее изысканный декор и повторяющуюся уже в лепнине «глухую резьбу» оконных карнизов. Так складывался еще один уровень родства, камня и дерева, составляя неделимый образ города.

Сам замысел, пропорции и композиция, поэтический строй деревянного города оказался невероятно устойчив во времени: дома оседают в землю, рушатся, доживая свой век, а вечные загадки мастеров прошлого волнуют и сегодня, заставляя восхищаться их умением строить жилое пространство, растворенное в природе, а потому счастливое для обитателей, ибо оно влияет на ход мысли, движение чувств, свойство обыденных поступков и уровень желаний всякого человека, бытующего в нем.

Загадка главная и непостижимая представлена в главе «Цветение». Деревянный Иркутск дважды в году переживает цветение: вначале с наступлением зимних морозов зацветают куржаком от ангарских туманов деревья на улицах, потом цветение захватывает резные карнизы окон и, наконец, морозные узоры на стеклах своей растительной росписью довершают уже праздничную картину зимы.

Второе цветение, как второе пришествие радости, захватывает Иркутск в конце мая белоцветием черемух, яблонь, а затем и лиловьем сирени. Две недели до самой Троицы город нежится в цветочном убранстве, вторя каждому цветку резными образами окон. Так было совсем недавно. Еще в далекие 70-е годы, затворив себя с фотокамерой в деревянном Иркутске, я понял, что лучшей книгой о нем будет «Белый город». Там зимнее цветение и летнее белоцветье должны быть соединены ослепительной белизной жизни известных его горожан... А такое не делается поспешно. Но прошло совсем немного лет, за которые этот светлый проект иссяк и оскудел к горькому моему сожалению, – летнее цветение города опало, пожухло... Сегодня уже ничего не снять и ничто не цветет: нет тех черемух, с корнем ушли яблони с перекроенных улиц, сирень не дурманит по ночам... Черемуха, оказывается, может расти только в чистом воздухе, а им дышал город до автомобильного нашествия... И яблони свой цвет потеряли от удушья тоже... Мы же собираемся жить.

А потому остановимся еще раз перед загадкой древних мастеров: как могли они столь точно и рукотворно соединить Дом, Лето, Зиму, пропорции Сруба и неповторимость Окон?! И сделать это легко, естественно и бесхитростно, словно взяв займы у природы?!

9

Похоже загадка эта зрительно уже непостижима и мне пришлось использовать для главы «Цветение» летние съемки далеких прошлых лет...

А потому следующей главой может быть только «Утраченное».

Я рассказываю всем об иркутских колодцах с их вкуснейшей водой, сладкой и ледяной до зуболомоты... рассказываю при каждом случае, рассказываю прохожим и друзьям, городским чиновникам и детям, рассказываю с неубывающими охотой и надеждой. В старой усадьбе, где теперь Дом Европы, был древний колодец с воротом, цепью и старой бадьей, аккуратно прикрываемый створками... Вода светилась совсем близко, в десяти метрах, – покрутишь ворот, подынешь бадью, зачерпнув ее неполную, чтоб только напиться... А уходить уже и не захочется... Не захочется с такой водой расставаться, родной покажется...

При реставрации усадьбы заботливые хранители старины засыпали колодец и вспоминать о нем теперь некому. Мало кто помнит другой колодец, что был через дорогу, во дворе старого деревянного дома, где трамвай поворачивает с улицы Тимирязева на Декабрьских Событий, простите, – Ланинскую. Нет и его.

С таким же непонятным усердием я продолжаю рассказывать о деревянных «развалюхах», ушедших в небытие: Горбатый дом, дом Шубиных, детский сад на Сурикова-Богграда, целый квартал на Энгельса... Перечень утраченного за 30 лет нестерпимо велик и гнетущ. После выхода в свет моей первой книги «Память Иркутска» совсем незнакомые люди останавливали меня на улице и говорили слова благодарности за появление в книге дома их детства, которого давно нет, – между съемками и изданием прошло 20 лет, а половина домов исчезла.

Черeda утрат и цепь забвения, которую никакими рассказами не разорвать. А те благодарения незнакомых, но родных иркутян обязывают вернуться вспять и выложить на свет старые фотографии.

Город, не знавший прежде на своих стенах украшений, однажды пережил большой пожар.

В июле 1879 года, в летнюю жару с крепким обжигающим ветром, который крайне редко приходит в город, полыхнули дома на центральной улице. Через несколько часов мощный пламень захватил соседние от Арсенальной улицы, – жара, ветер и сушь закрутили город в бешеный вихрь огня.

10 С церковных куполов стекало золото, а над домами летали горящие бревна... Центр города за три дня выгорел почти дотла. Горькая чаша была полна, годами не расхлебать... Выжить после такой катастрофы тяжело человеку, а городу – почти невероятно. Но, как считают только русские: «Не было счастья – да несчастье помогло!»... Вслед за деньгами, выделенными царской казной и пожертвованиями купцов на восстановление Иркутска, прибыли в город бригады плотников, каменщиков, искусных резчиков по дереву, что строили и украшали Тюмень, Тобольск, Томск. Через немного лет город наш преобразился, поднявшись из пожарища в удивительном резном наряде. Деревянные кварталы поделили каменными брандмауэрами, которые, оставшись памятниками тому пожару, сами стали архитектурными украшениями. Дома же, не из тщеславия вовсе, а от желания обновиться после огненных испытаний стали украшать, насколько позволял кошелек: скульптурную глухую резьбу на карнизы заказывали богатые владельцы, а вслед за ними и дома простолюдинов наряжались недорогой, но почти серийной пропильной резьбой.

Поднялся «Неопалимый Город».

Деревянная резьба Иркутска – «Музыка окон» – такая же древность, как и вся культура человечества. Накопленные в народной памяти орнаменты содержат сложные переплетения оберегов,

заклинаний, графических знаков мира и ритуальных представлений о потустороннем. Стоит взглянуть в узорчатое обрамление окон в любой части света, чтобы увидеть волшебное сочетание национального характера и планетарной вечности. Так и в иркутских окнах переплетаются морозные узоры, растительные элементы сибирского пантеизма, сакральные орнаменты русского крестьянства, графическая роскошь старой европейской геральдики и пластическое видение дерева, как живого материала. В свое время великий археолог Алексей Павлович Окладников высказал интересную догадку, проследив пути этнических миграций по наскальным рисункам, вернее их повторяемости и подобию в разных районах Земли. Вероятно, декоративный орнамент фасадов тоже содержит удивительную информацию и ее надобно уметь читать. И чтить!

Не так давно мне случилось встретить иркутское окно с его неповторимым рисунком совсем далеко от дома и не где-нибудь, а в Гамбурге, на доме, который куда старше самого Иркутска.

На фронте была обозначена дата – 1415 год. Вполне возможно, подумалось тогда, торговыми путями из Ганзейской земли этот гербовый знак переселился куда-нибудь в Великий Новгород или в Вологду, и уже оттуда дорогами крестьянских переселений пришел в Сибирь, чтоб обозначиться на окнах Иркутска.

Не коротки пути культурных нашествий, но плодотворны!

Однажды я узнал удивительную молитву XIX века, обращенную к городу, и помню ее дословно: «Боже! Убереги град сей от глада, огня и труса!». Такими словами прощались солдаты Селенгинского пехотного полка со своим городом Селенгинском, отправляясь на Крымскую войну.

Глубина и мера достоинства этих слов заставляет умолкнуть.

И в молчании долго сложить молитву родному городу, что не миновал огня, голода, разора, но сохранил в себе память, красоту и высокий образ Гармонии.

*Александр Князев с фотографиями.*



# ОБИТЕЛЬ



*Глубинная суть природы  
ветвей и корней размах,  
рассеянные аккорды  
бревен в скрипучих домах.*

*Крыш и стволов кружение  
сквозь легкую поступь веков —  
глубинная суть явления  
сибирских резных городов.*

*Глубинная суть в терпенье,  
в слиянье с землей и тайгой,  
в мастеровитом уменье  
пилы и резца под рукой.*

*Корнями прочней опора  
и кряжистой ствол и сруб.  
Дымов веселая свора  
с печных разлетается труб.*

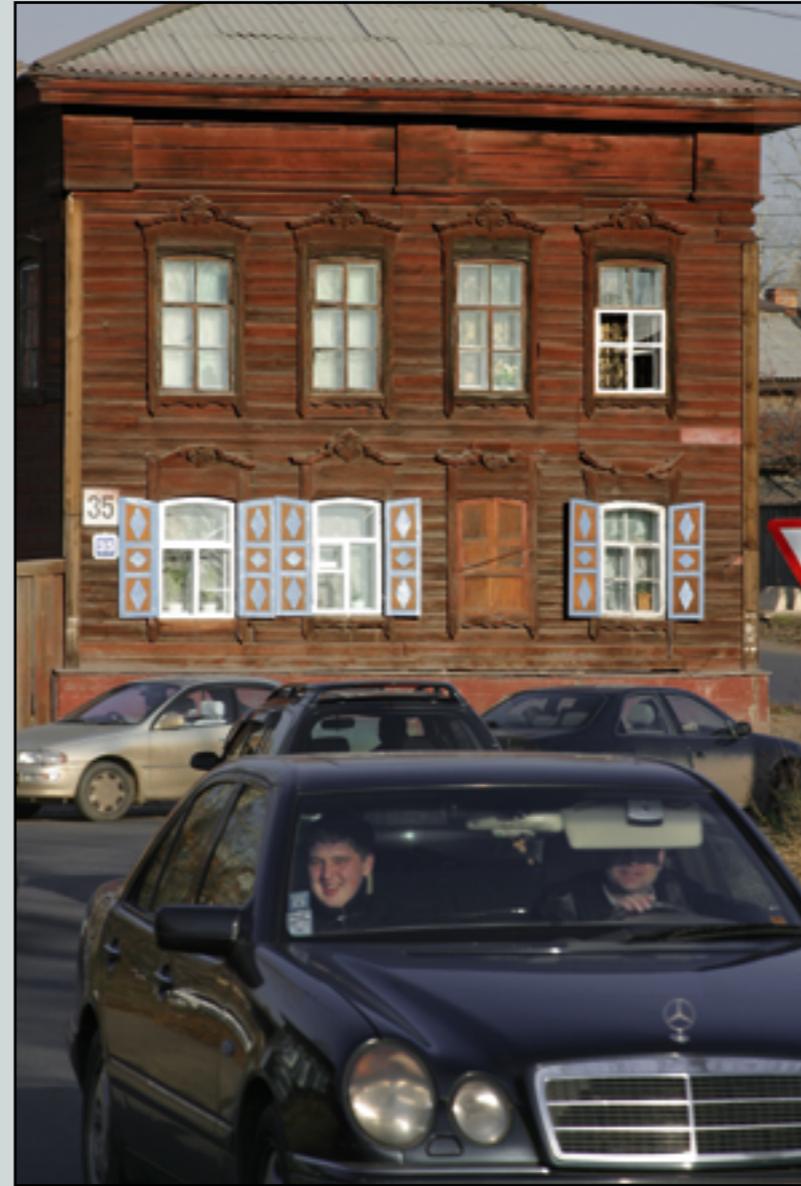
*И вдруг понимаешь внятно,  
судьбе не чиня укор,  
ни ты не уйдешь  
безвозвратно,  
ни тополь, ни детства двор.*





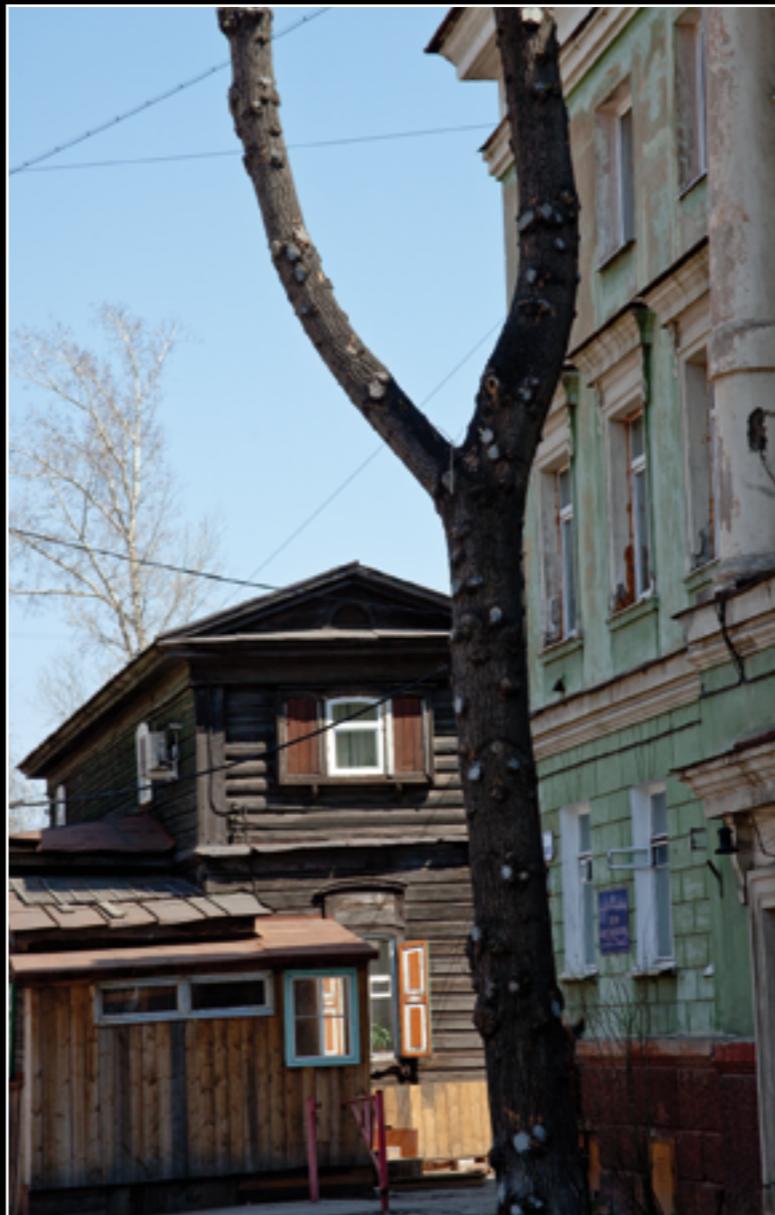














*Итальянские мотивы  
в арочной прорези окон,  
где небо - синее диво  
весенним струится соком.*

*Живущие в доме люди,  
восторгов не излучают.  
Среди приземленных буден  
за щами, а может чаем*

*они обсуждают мирно  
вопрос о насущном хлебе  
и вечный вопрос квартирный,  
забыв об арках и небе.*





*По шатким ступеням все выше и выше  
взбираться не лень.  
Священной горою ребристая крыша —  
судьбы светотень.*

*Здесь страхом извечным под куполом млечным  
трепещет душа.  
Все в мире так зыбко, не верно, не вечно,  
а Жизнь хороша!*

*На лесенке шаткой с земною повадкой  
расстанусь, поверь.  
Все в мире случайно, отчаянно кратко —  
канва из потерь.*

*Все в мире так странно, так слепо, обманно.  
В ночи голубой  
засветится небо росой туманной,  
мечтой неземной.*

*Заискрятся звезды не поздно, не рано —  
в назначенный срок.  
Насытится воздух черемухой пряной  
и вспыхнет Восток.*

# КОЛЫБЕЛЬ



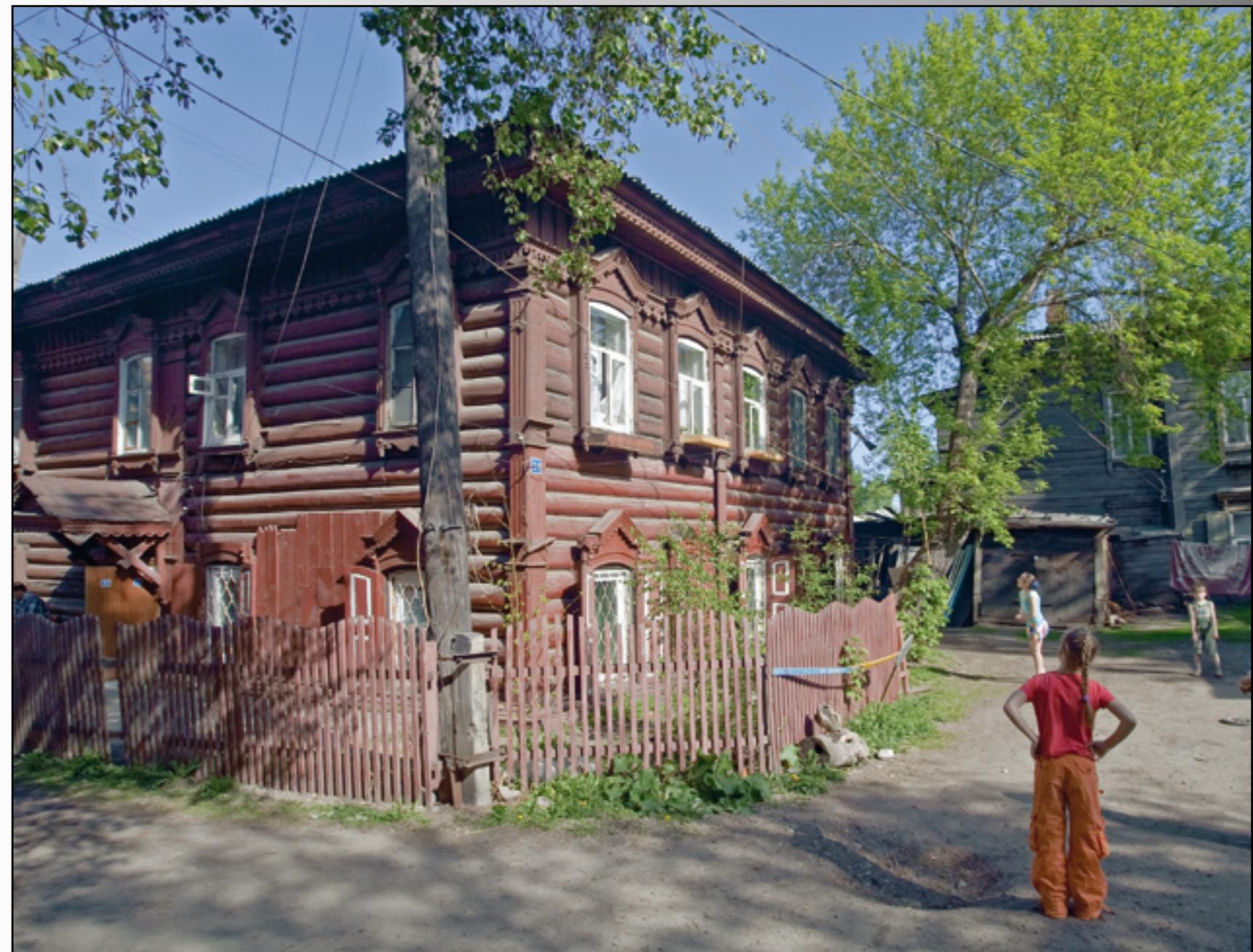
















*«Я с улицы, где тополь удивлен»,  
где мостовые временем размыты,  
и ностальгии еле слышный стон  
тревожит ставень сердца чуть прикрытый.*

*В незнакомых новостроек зеркалах  
на миг возникну и смущусь немножко.  
Из детских снов души колокола  
трезвонят, в зиму распахнув окошко.*

*Я с улицы, где солнцем снег залит,  
где ветер мечется за воробьиной стаей,  
где тополь мой со мною говорит,  
а детство никогда не исчезает.*

*«Я с улицы, где тополь удивлен. . .»*



# ЩЕТЕНИЦЕ

*Свежая, хрупкая нежность,  
иней застыл на ветвях.  
В недолговечную снежность  
сыплется времени прах.*

*В этой безбрежности белой  
словно гаданье весне,  
окна домов индеVELO  
кружатся в призрачном сне.*

*Воздух звенит от мороза,  
ломкость в шагах и словах,  
бледными блещут мимозами  
стекла в резных кружевах.*

*В зимней остылости строгой  
стонет надтреснутый лед,  
чуть серебрится дорога  
в роскоши город цветет.*





















*Я купаюсь в ангарской волне,  
в ней игрой отражаюсь стократно,  
и пожухлым плющом на стене  
извиваются прошлого даты.*

*Воставляя историй тома,  
я в тайгу пробирался упорно,  
где мои кружевные дома  
прорастали из крепкого корня.*

*Много видел, не меньше познал  
я за три с половиной столетья,  
был успеха цветной карнавал,  
и суровые дни лихолетья.*

*Пробуждаясь от зимнего сна,  
встрепенувшись с надеждою к сроку,  
поднимают деревья со дна  
свои струи с живительным соком.*

*Снова яблони в буйном цвету,  
паутина от солнца поблекла,  
и, как Феникс в цветущем саду,  
я опять возрождаюсь из пепла.*





*Мы - неожиданные гости,  
нам не нужен билет -  
на печальном погосте  
больше прошлого нет.*

*Ни стола, ни гармошки,-  
их пожар не взметнет:  
все сгорело до крошки,  
остальное сгниет.*

*В покосившемся доме  
ни скамьи, ни печи...  
У судьбы на изломе  
в прах пошли кирпичи.*

*Три столетия без веры,  
триста лет без суда.  
Стало яркое серым,  
растеклось как вода.*

*Есть пространство и люди,  
а куплет не допет,  
и от нас не убудет...  
Только города нет.*

# УТРАЧЕННОЕ















*Бульдозер стирает былого черты,  
меж старым и новым ютятся мосты,  
деревьев плывут частокотлы  
за годы, за дали, за долы....*

*Жалчииков блеклыми пятнами,  
судьбою изрядно помятыми,  
дома протупают невнятно,  
нестройно и черноквадратно.*

*Их окна, сквозь сталь прорастая,  
в таинственном сумраке тают.  
В немом зазеркалии видишь -  
весь город в нем тонет, как Китеж.*



# НЕОПАЛИМЫЙ ГОРОД

84



*Огонь взметнулся, и зарделась крыша.  
Потом еще, еще. Вон там опять!  
И ненасытным, раскаленным дышлом  
пожар пошел добро полосовать.*

*Вовсем не ведал жалость и участие,  
а только разрастался и дерзил.  
Он покушался на людское счастье,  
и жатву ввысь со свистом уносил.*

*Пожар крепчал, а улицы стонали,  
и бревна щепками взлетали к небесам,  
чтоб небеса земли не узнавали  
по вздыбленным горящим волосам.*

*Вмутилась ночь, упав на пепелище,  
взмолился день: «Спаси и помоги!»,  
увидев вдруг, как развеселый нищий  
обугленные гладит сапоги.*

*Огонь бесился удаю и рьяно,  
плясал по стенам и лизал забор,  
куражился в своем веселье пьяном  
и самосудом тешился, как вор.*

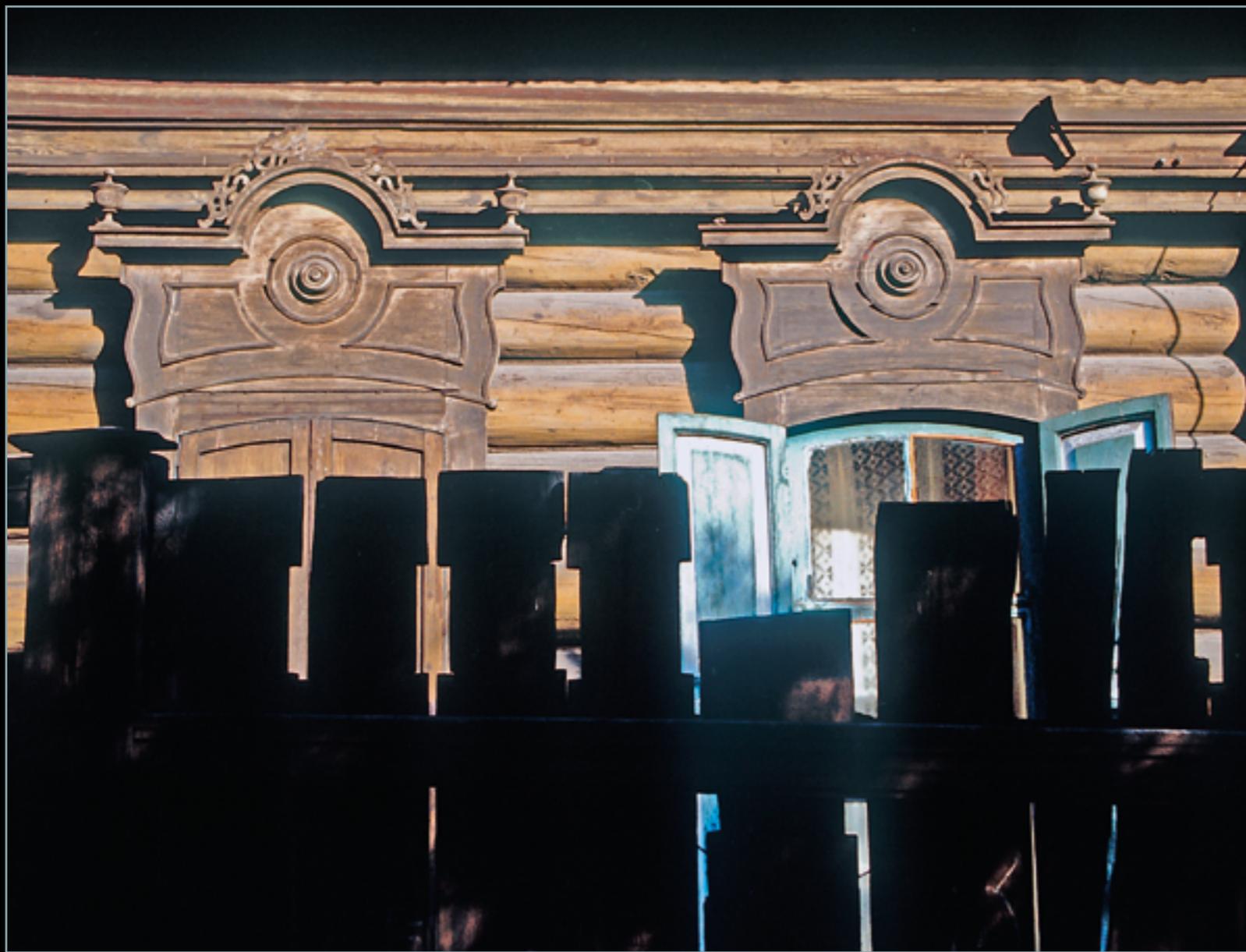
*Потом притих. Стал вой заметно глуше,  
как будто жар споткнулся на бегу,  
и Торода истерзанную душу  
оставил умирать на берегу.*

85























*Старинная резьба наличников и ставен,  
уютный вид домов рассеянно печален  
уйдут в небытие и растворятся в быте.  
Им хор не запоем осанну – нет событий.*

*Историк, может быть, здесь преклонит колено,  
заставив позабыть о чем-то непременно,  
невольно загрустить о том, что не бывало,  
чего не может быть отыщут по подвалам.*

*Художник и поэт столкнутся с Вдохновением  
и пыль веков смахнут его прикосновением.  
В раскрытое окно волеется свет для мира  
и с грустью заодно, вздохнув, заплачет лира.*

*А улица сбежит шалуньей-плутовкой  
разбитой мостовой за речку Ушаковку,  
погладит жар огня резьбу своей десницей,  
и этот город нам в цветении приснится.*





*Стертая пластинка, старый граммофон.  
 Счастье-невидимка смотрит из окон.  
 Рамою прикрыта прошлого печаль,  
 завернулось время в кружевную шаль.*

*Затянулось шторами, спряталось в сарай,  
 не смолкая, вальсы нам, граммофон, играй,  
 не смолкая, польками услаждай наш слух,  
 развевая нотами тополиный пух.*

*Уплывает музыка в утреннюю хмарь  
 и уносит узником прежнюю печаль.  
 Старым маршем полнится деревянный двор.  
 По дощечке сложится дней былых забор.*

*Все ли в жизни сладится? Кто мне даст ответ?  
 Музыка накатится из-за дымки лет.  
 Стертая пластинка, старый граммофон.  
 Счастье-невидимка смотрит из окон.*

## МУЗЫКА ОРОН



















*Ставнями заперты глазницы  
и дом, состарившись, хранит  
свои живые небылицы  
легенд надтреснутый гранит.*

*Зима уходит, снега скудно,  
а окна смотрят на Восток,  
и манит тайною подспудной  
в ворота въехавший возок.*



*Мотылек в ночи  
у чужой свечи,  
за плитой сверчок,  
на двери замок,  
на окне доска,  
на душе тоска,  
на подушке луч  
из разверстых туч,  
по водице плеск,  
на кладбище крест. . .*

*Мотылек в ночи.  
Помолись, Молчи.*

# МОЛИТВА

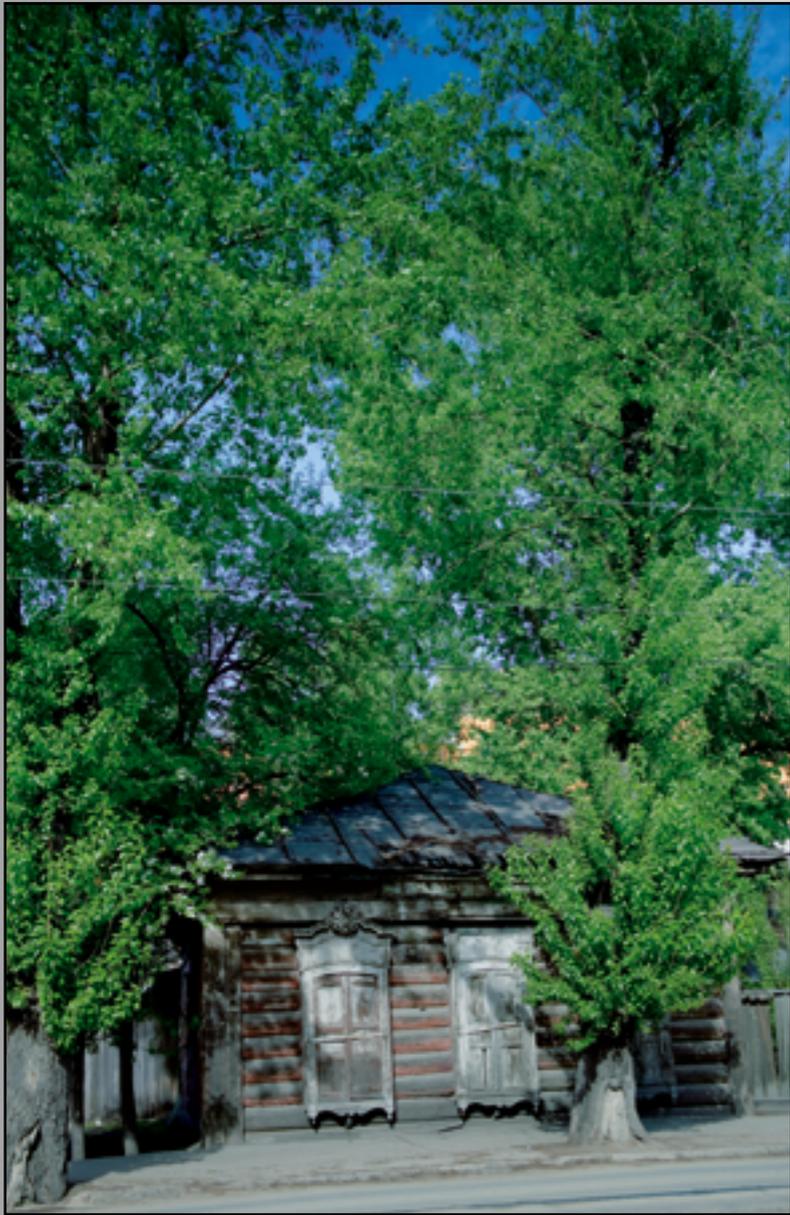






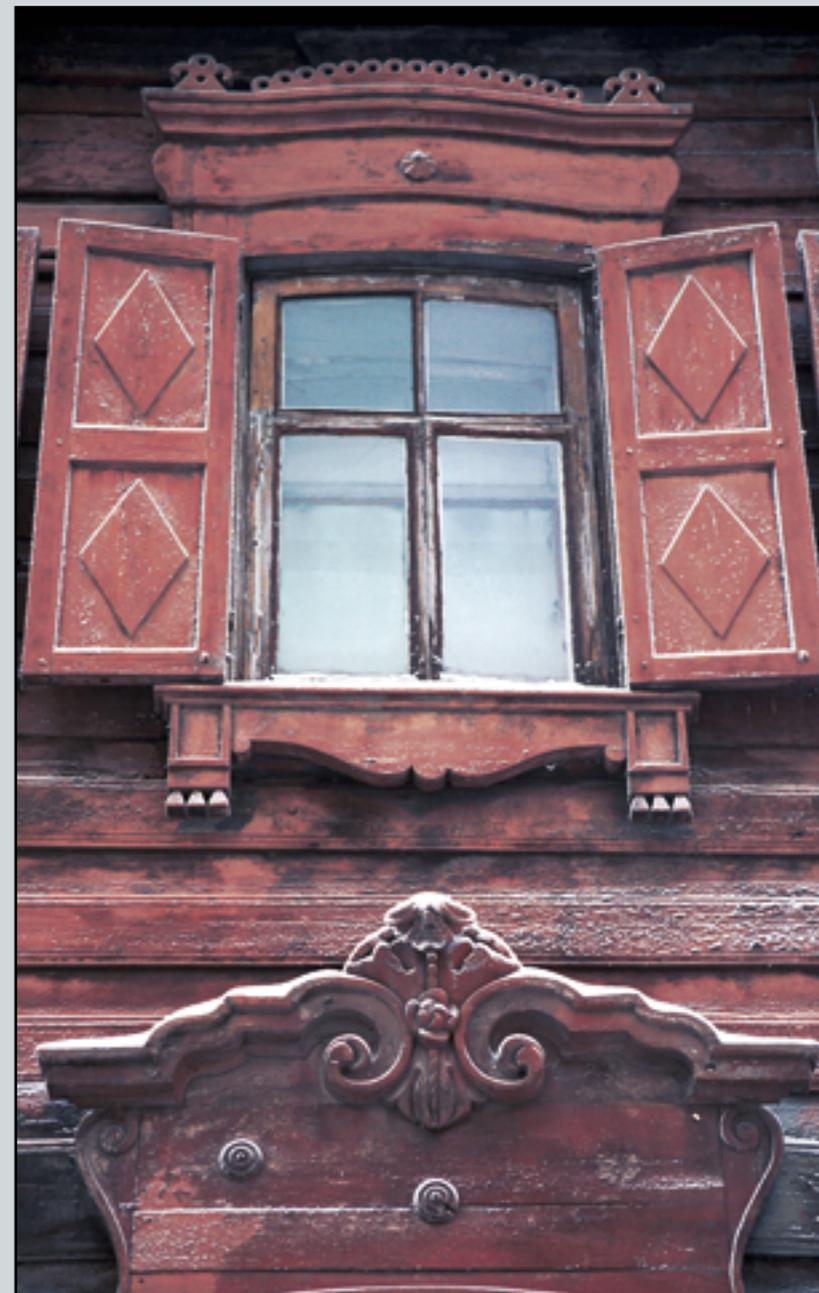








Величие и страсть, роскошество резьбы,  
 старинного крыльца чуть видные следы.  
 Гордыня – тот же грех, глоток чужой беды,  
 без ретуши вослед, – печальней нет судьбы.  
 Без кисти и прикрас под небом образа,  
 чужого мира вздох, чужие голоса,  
 увядшая любовь, поблекшая краса  
 и из веков на нас глядящие глаза.



## *Иркутск – моя Колыбель и Обитель*

Если Александру Князеву не случилось родиться в Иркутске, и для него он стал родной Обителью несколько позже, то мне город достался, как дар свыше, с первым моим вздохом. Я родилась в старом деревянном доме, где жила в маленькой комнатухе моя бабушка и мне суждено было появиться на свет. Первый крик и первое знакомство со старым Иркутском произошли одновременно, и он остался со мной на долгие годы, став вначале Колыбелью, потом и Обителью. Со временем этот дарованный мне город стал моим другом и дружба эта, как я могу судить теперь по прошествии десятков лет, оказалась удачной и прочной, такой, какой чаще всего складывается дружба и между людьми, и между приютившими их домами только в детстве.

Из детства и сейчас, через суету лет, доносится до моего слуха скрип потрескавшихся досок тротуара под папиными ногами, - это он ведет меня за руку на «дальнюю» прогулку, и глуховатый отклик брусчатки, постанывающей и дробно подрагивающей под колесами «полуторок», «москвичей» и вальжных «побед», проезжающих мимо нас по малолюдной улице.

138 Семь моих первых лет, восхитительных узнаванием мира, прошли в небольшом дворе, бурно заросшем пахучей ромашкой. У забора в естественной нише между единственным деревянным многоквартирным домом этого двора и хозяйственными постройками рос огромный тополь. Детьми мы развлекались, измеряя его могучую необхватность впятером-шестером, крепко сцепившись ручонками.

Иркутские тополя ... Кто и когда, по какой прихоти наводнил ими город? Кто знает... Но этот южный пришелец стал неотъемлемой частью городского ландшафта, сросшись с деревянными домами корнями и кронами. Удивительно, что вслед за весенним белоцветьем в город приходит летнее - тополиное и засыпает нежным пухом тротуары, дома, прохожих. Иркутяне долгие годы ворчливо сетовали, мол, к чему этот прилипчивый белоцвет, а вот теперь, когда расчищены многие улицы центра от кряжистых стволов с раскидистыми ветвями в белом пуху и ветер не раздувает его легкими мотыльками, горожане искренне вздыхают по этому утрачиваемому чуду.

Деревянный дом моего раннего детства находился на углу улиц, названных именами двух пламенных революционеров Халтурина и Каландарашвили, правда изрядно разминувшихся не только во взглядах, но и во времени.

Обе крохотные улочки, плотно застроенные крепкими, приземистыми домами в окружении деревьев, сроднившихся с ними, выплывают в мне счастьем, ассоциирующимся с едва осязаемым, ни с чем несравнимым ароматом, растекающимся в кронах моего первого тополя.

Зима, кроме катания с традиционно сооружаемой посреди двора ледяной горы, таких волнительных мироощущений не оставила. Зато именно зима принесла с собой знание о том, что город стоит на большой и необычно грозной реке, от которой в середине декабря с ледоставом приходит настоящая катастрофа – зимнее наводнение. Помню, как в одну из зим мои родители не на шутку тревожились, слушая сводки по радио и гадая, затопит или не затопит нашу улицу. Я отчаянно всякий раз умоляла их взять меня с собой, так хотелось узнать, что это такое – наводнение. С каждым днем наш путь до кромки воды становился все короче и короче, но к нашему двору она в ту зиму так и не добралась.

Ангара. Удивительная аквамариновая река – под стать нестандартному Иркутску. Вряд ли сыщется где-то еще подобная по масштабу водная артерия, рассекающая большой город и множество облепивших ее деревень, вместившая каскад гидроэлектростанций и при этом сохранившая 139 воду столь дивной чистоты и ювенильной прозрачности. Река с удивительно человеческим в своем непостоянстве нравом. Она то ласкала и поила город своими холодными тугими струями, то топила его, тяжело отрывая со дна льдины, приготовленные ею на ледостав, то спасала его от разрушительных землетрясений, собирая через кяризы лишнюю воду из городских подвалов. Давно заметили иркутские жители, что во время нередких в наших краях землетрясений первыми летят печные трубы и рушатся перегородки тех домов, где топят подвалы грунтовые воды. Вот и нарыли они множество подземных ходов, выбирая бутовый камень на соборы, и соединили эти ходы-кяризы с Ангарой. А река легко без труда и вреда для себя подхватывала эти «излишки», спасая город.

Много десятилетий назад засыпаны и отрезаны от Ангары кяризы, каскад водохранилищ сильно изменил облик прежней красавицы, поубавив ее аквамаринового великолепия, да и веселый строй деревянных улиц по ее берегам теперь уже почти канувшее в лету прошлое, улетевшее в небытие вместе с нашим детством.

Если двинуться в воспоминаниях чуть дальше во времени, то к аромату детства, целиком связанному с обитанием в живой среде деревянного Иркутска с закрывающимися на ночь ставнями, с теплыми изразцами печки-«голландки», с чистотой толстых широких половиц, с загадочным полумраком уставленных кадками с водой и соленьями сеней, примешивается трепетное волнение первой встречи с другой средой – с миром каменного города, учтиво встроившегося в его деревянный остов.

Как много «первого» выплывает издалека. Школа, в которую я шла, горя каждой клеточкой своего тоненького существа, носила не менее гордое и пламенное имя, чем и скрестившиеся возле моего дома улицы. Она называлась «Первая Ленинская». Имя это она обрела после революции, разместившись в прекрасном каменном, как и положено столь значимому общественному зданию, особняке бывшей «Первой Хаминовской женской гимназии» на берегу Ангары. Имя «Хаминовская гимназия» легко трансформировалось в «Ленинскую школу», а все прочее, включая слово «Первая», прекрасную лепнину потолков, широкие прочные доски крашеных полов, остатки стариной мебели и другой школьной утвари, осталось.

140 Сохранилось, не стерлось из моей памяти и ощущение «узнавания» этого поистине волшебного пространства. Двери нашего 1«А» выходили в продолговатый зал, украшенный рядом громадных окон в лепных гирляндах, повторявших узоры овальных розеток потолка, с роскошными люстрами, поблескивающими драгоценными искрами хрусталя. На каждой перемене я впадала в эйфорию от созерцания этой неземной красоты. Ощущение полной гармонии пространства нарушал только большой портрет «дедушки», чье имя носила школа. Портрет мешал моему наслаждению, не вписываясь своей нарочитой квадратностью в царственный интерьер, с его перетекающими плавными очертаниями, и я всякий раз, вглядываясь в драгоценные детали, старалась оставить его за спиной.

К концу моего первого школьного года родители поменяли квартиру и поселились невдалеке на большой просторной улице Декабрьских событий, изначально носившей имя Ланинская. Улица красовалась настоящей булыжной мостовой и нарядными, преимущественно двухэтажными деревянными домами, щедро декорированными резными кружевами, витиеватыми наличниками окон и коваными решетками парадных. Смена пространства домашнего обитания внесла в букет моего мироощущения совершенно новые ароматы.

Эта улица, эта моя теперь уже скорее не Колыбель, а Обитель, была по настоящему величава.

Более того, я уже подросла и не только глазами, но и ушами «впитывала» красоту окружающего пространства. Взрослые по-старинке именовали центральные улицы города вовсе не их официальными названиями. И эти, в бытовой речи оставшиеся от прежней, навсегда утраченной эпохи, имена: «Большая», «Ланинская», «Перовская», «Пестеревская», музыкой убаюкивали мое сердце, будоража воображение и ассоциируясь с далеким, уже исчезнувшим навсегда бытом старинного купеческого Иркутска. В такт с этими аккордами я еще не осознавала, но уже ощущала уникальность города, в котором посчастливилось родиться.

Говорят, память человеческая – отголосок некоего вечного континуума, вобравшего в себя ауру всех культурных наслоений, подчас давно уже невидимых. Улица Ланинская удивительна тем, что несет живые, пока еще доступные глазу и фотокамере частички этого континуума, выступая, словно некий ирреальный мост, соединяющий неповторимость отступающего в историческую тень деревянного Иркутска по одной стороне улицы, со сверкающей своей одержимой стеклянной настырностью зеркальных стен, по другой. Где еще можно увидеть воочию, как старый город отражается в новом, плавно деформируясь, растворяется и трансформируется в иное пространство, которое вот-вот перестанет быть осязаемым.

141 С переездом в новую обитель география городского пространства для меня расширилась. В школу я уходила и возвращалась одна, позволяя себе бесконтрольные вылазки то на Нижнюю Набережную с лодками и угольным причалом, то на улицу Большую с ее удивительной, совсем не иркутской архитектурой, появившейся после знаменитого пожара 1879 года, совпавшего по времени с открытием в Париже Международной выставки. Кстати, благодаря этому совпадению сохранились многие бесценные раритеты из коллекций Иркутского краеведческого музея, отправленные тогда на выставку. О деревянном городе на этой «западной» улице напоминали только тополя. Вблизи перекрестка Большой и Пестеревской, представлявшей собой конгломерат из деревянных жилых построек с вписанными в их матрицу каменными зданиями магазинов Второва и Пестерева, находилось любимое место всей тогдашней детворы. Здесь размещался «Детский мир». Этот особняк, - какое точное слово! – стоял для меня особняком, совсем особо, от всего остального мира, иркутского мира, потому что другого я не знала. Здесь над лестничным пролетом с дутыми бронзовыми перилами, покоящимися на кованой решетке из виноградных ветвей, парила в переливах цветного стекла необыкновенная дама, которая красотой своей не могла сравниться для меня ни с одним живым существом.

Каким чудом, какими ветрами занесло это прекрасное творение изнеженного модерна в суровые сибирские зимы? Каким чудом не разнесли вдребезги тонкое стекло витража Артюшкова бури переменчивой эпохи? Не разнесли. И, слава Богу! Я прихожу сюда время от времени, чтобы сквозь цветное стекло дотянуться взглядом до улиц своего детства.

Посмотрев в своей жизни немало дивных городов по всему миру, я не перестаю удивляться той заботливой любви, с которой несли в родной город иркутяне из заморских земель архитектурные «мелочи» вместо расхожих сувениров, и адаптировали их на свой особый манер. Так появились в Иркутске удивительно аристократичные дома с анфиладами комнат, строй которых полностью повторял подсобные подвальные помещения. Стены украшались изящным обивочным шелком, а полы и потолки оставались открытыми, обязанными являть первозданную красоту лиственничного бруса, того самого, который ни за какими морями не сыщешь. Появились дома с мезонинами и резными балконами. Дома, украшенные строем арочных, совершенно итальянских окон эпохи Ренессанса, нередко сдержанно украшенные цветными витражами. Моему детству все это было величие досталось уже изрядно обветшавшим, но все же досталось...

142 По выходным, география моих походов расширялась в противоположную сторону от Большой улицы. Мы с папой с завидным постоянством совершали одну и ту же прогулку в направлении автовокзала. Посещали по дороге продовольственный магазин в неказистом одноэтажном кирпичном бараке, бедные товаром полки которого были щедро украшены банками с крабовыми консервами, много более популярной водкой и коробками с отвратительного вида, но терпимого вкуса карамельными подушечками «собачья радость». Завершив магазинный ритуал, одной рукой сжимая бумажный кулек с липкой карамелью, другой папину ладонь я, подстраивалась к его широкому шагу. Наш путь пролегал к длинному одноэтажному дому с мезонином, сиротливо, словно извиняясь за неуместное вторжение, приютившемся на задворках магазина и скрывшемся от глаз прохожих – к дому Трубецких.

От дома С.П. Трубецкова мы продолжали свой путь к размещившемся неподалеку дому С.Г.Волконского, густо населенному подвыпившим людом. Отсюда, от этих прогулок с самым родным мне человеком, от этих двух деревянных домов, в которых когда-то жили декабристы, начиналось мое первое знакомство с историей, оставшееся от тех времен скорее не знанием, как таковым, а лишь неясной тягой к нему, и она плотно вплелась в канву моих детских мироощущений.

Вплелась вместе с горькими воспоминаниями о закатанной на моих глазах под асфальт булыжной мостовой перед окнами нашего деревянного дома на Ланинской; вместе со щекочущим ощущением тополиного пуха на лице, засыпающего июльские улицы; вместе с груженными подводами и хлыстами извозчиков, подгоняющих измученных лошадок. И эти лошадки все цокают и цокают в моей памяти по пока еще живой мостовой...

С окончанием четвертого класса окончилось и мое наслаждение Колыбелью старого Иркутска. Мои родители с нескрываемой радостью переезжали в новую квартиру на окраине. Большой двор. Пять одинаковых – не отличишь, домов, выстроенных как казармы, правильным каре. Асфальтовый квадрат в центре, засаженный по периметру яблонями. Две безликие грязно-зеленые беседки. Новая реальность, как путь к повзрслению. Новая реальность моего подросткового прошлого стала таким же мостом, как и улица Ланинская, проложенным в сегодняшнюю жизнь из зазеркалья детства.

Многое ушло из памяти, словно не было. Что-то вернулось обновленным в обретенном книжном знании. И теперь уже трудно отделить в этом, накопленном за жизнь богатстве, хрупкие крупинки, почерпнутые когда-то в теперь уже призрачном Иркутске, утонувшем как Китеж-град в волнах времени, от впитанного из книг чужого опыта. Остались только ароматы Колыбели моего детства и любовь к Обители моего повзрсления.

Однако никогда и ничто не уходит безвозвратно. Все это «послевкусие» детства, спустя десятилетия точно и безупречно совпало с любовью к городу, перенесенной на листы восхитительной, тонкой светописью фотохудожника Александра Князева. А, совпав со светописью, «послевкусие» трансформировалось в стихи, которыми начинается и заканчивается каждая из глав этого альбома. Светопись и поэзия всегда самодостаточны. Но если они вдруг так нечаянно и так счастливо совпали, то почему бы им не предстать вместе перед твоими глазами, дорогой читатель. Мы с благодарностью готовы разделить наше мироощущение, нашу боль и восторг перед удивительным городом с великой 350-летней историей, имя которому ИРКУТСК.

*Раиса Лобацкая со стихами*